

Пластинина Нина Анатольевна

К ВОПРОСУ О РОЛИ ДУХОВНОСТИ КАК КОМПОНЕНТА ПЕРЕВОДЧЕСКОГО НООХРОНОТОПА

Данная статья рассматривает понятие духовности как компонент переводческого ноохронотопа и ее роль в понимании переводчиком ментального времени-пространства автора и воссоздании в тексте перевода духовности текста оригинала. На материале конкретных фрагментов художественного текста и их переводов на русский язык показывается, как гармония/дисгармония ментальной картины видения переводчиком произведения, степень его духовного сопереживания автору прогнозируют возможную рецепцию текста читателем.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/2-2/43.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. II. С. 154-158. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
7. Кашкин И. А. Для читателя-современника. М.: Сов. писатель, 1977. 556 с.
8. Лихачев Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. 440 с.
9. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / предисл. С. М. Даниэля; сост. Р. Г. Григорьева. СПб.: Академический проект, 2002. 543 с.
10. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
11. Постовалова В. И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы // Фразеология в контексте культуры: сб. науч. тр. М., 1999. С. 25-33.
12. Россельс В. М. Перевод и национальное своеобразие подлинника. Вопросы художественного перевода. М.: Международные отношения, 1955. 467 с.
13. Соболев Л. Н. Пособие по переводу с русского языка на французский. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1952. 324 с.
14. Толстой Н. И. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. I: Славянская лексикология и семасиология. 520 с.
15. Томахин Г. Д. Реалии в культуре и языке // Иностранные языки в школе. 1981. № 1. 239 с.
16. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для институтов и факультетов иностранных языков: уч. пособие. Изд-е 5-е. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с.
17. Фурманова В. П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков (языковой вуз): автореф. дисс. ... д. пед. н. М., 1994. 544 с.
18. Чернов Г. В. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык // Ученые записки 1-го МГПИИЯ. М., 1958. Т. XVI. С. 223-224.

“UNTRANSLATABLE IN TRANSLATION” OR ON NOTION AND SPECIFICITY OF REALIA

Parevskaya Irina Sergeevna

Rostov State University of Economics (Branch) in Taganrog

Ir.Parevskaya@yandex.ru

The author of the article conducts a critical analysis of scientific and methodological domestic and foreign literature, devoted to the problem of the denotation of the notion “realia”. The purpose of the study is to reveal the differentiating features of realia and basing on them to formulate the definition(-s) of the term “realia”, which is appropriate within the framework of linguistics and other humanities

Key words and phrases: national consciousness; national thinking; language and culture; realia; national-coloured units; non-equivalence; “local” and “temporary” colour of realia.

УДК 801; 347.78.034

Филологические науки

Данная статья рассматривает понятие духовности как компонент переводческого ноохронотопа и ее роль в понимании переводчиком ментального времени-пространства автора и воссоздании в тексте перевода духовности текста оригинала. На материале конкретных фрагментов художественного текста и их переводов на русский язык показывается, как гармония/дисгармония ментальной картины видения переводчиком произведения, степень его духовного сопереживания автору прогнозируют возможную рецепцию текста читателем.

Ключевые слова и фразы: духовность; ментальная картина видения; хронотоп; пространство; время; ноохронотоп; переводческое решение.

Пластинина Нина Анатольевна

Нижевартовский государственный университет

nina.plastinina2011@yandex.ru

К ВОПРОСУ О РОЛИ ДУХОВНОСТИ КАК КОМПОНЕНТА ПЕРЕВОДЧЕСКОГО НООХРОНОТОПА[©]

Статья рассматривает понятие духовности переводческого ноохронотопа, введенное автором с целью выявления условий порождения качественного перевода художественного текста. Герменевтическую основу статьи составляют результаты исследований М. М. Бахтина, Л. В. Енбаевой, Л. В. Кушниной, Н. Д. Маровой и др.

В своей работе «Парадигмы интерпретации текста» Н. Д. Марова, развивая понятие М. М. Бахтина, вводит категорию «ноохронотоп», которая в одном направлении обладает признаками классического хронотопа М. М. Бахтина, в другом – приобретает духовные параметры, специфичность которых зависит от некоторой ментальной точки зрения и направлена, по мнению исследователя, на упорядочивание мира в соответствии с требованиями и условиями с точки зрения наблюдателя-интерпретатора. По мнению ученого, необходимо

принять во внимание, что «перспективированный мир знака неизбежным образом обогащается духовным измерением» [8, с. 69], поэтому кроме традиционных параметров времени и пространства ноохронотоп должен включать в себя понятие ментальности, т.е. духовности и разумности (термин Н. Д. Маровой [8]). С учетом этого ментальная картина видения, являясь следствием выражения определенной точки зрения интерпретатора, запечатлевает его манеру видения текста, выражает комплекс условий видения рассматриваемого текста и выражается в тексте через пространственную, временную и духовную точки зрения, образуя перспективу текстоментальной действительности.

Л. В. Кушнина, основываясь на теории гармонизации перевода, вводит понятие «переводческий хроно-топ», включающий в себя переводческое пространство и переводческое время – новую переводческую реальность, отражающую особое переводческое видение, своего рода переводческую картину мира [4].

Суть переводческого пространства, как указывает Л. В. Кушнина, сводится к представлению процесса перевода как сложной системы гетерогенных смыслов, которые транспонирует переводчик.

Очевидно, что представления Н. Д. Маровой, которая создает текстоментальную концепцию перевода, созвучны данной трактовке процесса перевода. Обе концепции привлекают внимание лингвистов, которые размышляют над проблемами транспонирования смыслов текста из одного языка в другой, из одной культуры в другую: «...перевод текста на другой язык есть перевод его интерпретационной картины видения на уровень ее воссоздания средствами иного языка» [8, с. 316].

В свете обозначенных выше концепций рассмотрим проявление ноохронотопа в переводе, акцентируя внимание на духовности – ментальной точке зрения не только автора, но и переводчика и реципиента.

Поясним, что, согласно взглядам Н. Д. Маровой и Л. В. Кушпиной, с одной стороны, объект перевода призван сохранить целостность и самоценность оригинала, отражая смыслы исходного текста, но не копируя их; преломляя эти смыслы в сознании всех субъектов перевода, с другой стороны, он должен обладать собственным индивидуальным языком и стилем выражения ментальной картины видения.

Это означает, что в рамках целого текста процесс гармонизации смыслов совершается сложными путями, по мере того, как переводчик преодолевает все препятствия, возникающие при постижении каждого поля переводческого пространства [3]. Исходя из положения о том, что пространство и время находят свое выражение в семантической категории пространства посредством предикативности, синкретических лексических и грамматических единиц, функционирования глагольных форм, таксиса и дейксиса, заключаем, что понятие духовности ноохронотопа находит свое выражение и обретает осязаемую и видимую формы при принятии переводческого решения в переводческом пространстве.

Переводческое пространство, с одной стороны, уникально, т.к. является результатом уникальной конфигурации для каждого текста и каждого переводчика, с другой стороны, поливариантно, поскольку может генерировать разнообразные смысловые модели. Наряду с понятием переводческого пространства особый исследовательский интерес в нашей работе приобретают переводческое решение, изучаемое Л. В. Енбаевой [1, с. 216], и работы Т. А. Казаковой [2], посвященные анализу специфики перевода художественных текстов и феномену «информационного шума».

Оба исследователя указывают на стремление человека структурировать получаемую информацию, то есть придавать ей упорядоченность. Основываясь на данных исследованиях, представляется возможным сделать вывод о возможности прогнозирования восприятия текста, через упорядочивание информационного содержания переводческого пространства, которое происходит посредством комплекса переводческих решений.

Как показывают наблюдения писателей-переводчиков, именно духовность и разумность способствуют принятию верного переводческого решения, которое является результатом осмысленного упорядочивания интерпретации оригинала, отражения интенциональности текста, его текстовой энергии и эстетического воздействия на переводчика, отражения переводческой ментальной точки зрения.

В своем исследовании мы развиваем идею Л. В. Енбаевой [1] и П. М. Топера [10] о том, что профессиональное переводческое решение принимается переводчиком в зависимости от его общей концепции относительно эстетического воздействия произведения, замысла автора произведения, всей системы образов, авторского стиля, а также согласованности всех принятых переводческих решений, т.е. в зависимости от ментальной картины видения произведения автором, переводчиком, реципиентом, а также от степени духовного сопереживания субъектов переводческой коммуникации.

Напомним, что качественный перевод подразумевает, согласно концепции Л. В. Кушпиной, достижение гармонии – смысловой соразмерности текстов оригинала и перевода. Текст перевода «должен отвечать требованиям культурной, социальной, природной, индивидуальной обусловленности» [6, с. 39]. В случае наиболее удачного переводческого решения, принимаемого осознанно или неосознанно, в результате гармонизации смыслов всех полей переводческого пространства происходит создание гармоничного текста перевода и возникает успешный перевод. Все переводческие ошибки и несоответствия, определяемые как переводческая дисгармония, приводят к неуспешному переводу.

Это означает, что широко применяемая в переводческой практике стратегия эквивалентности и адекватности, являющаяся неотъемлемой основой деятельности профессионального переводчика, не всегда может привести к качественному гармоничному переводу. Таким образом, мы не отказываемся от традиционных терминов, мы признаем их ограниченные возможности для оценки качества перевода и называем их промежуточными стадиями гармонизации перевода, так как они «не покрывают всю гамму отношений, которые складываются между текстами оригинала и перевода. Они являются частными случаями гармоничности, с которой устанавливаются

родовидовые отношения. Полноценным и гармоничным перевод становится лишь тогда, когда текст оригинала подвергается культурологическим преобразованиям, обусловленным культурой принимающего языка, то есть гармоничный перевод должен быть культуро- и природосообразен» [4, с. 42]. Чтобы достичь смысловой переводческой гармонии, переводчик прибегает к так называемой «стратегии гармонизации» и принимает переводческое решение, основываясь на собственной ментальной картине видения текста оригинала.

В свете обозначенных выше концепций рассмотрим проявление ноохронотопа в переводе, акцентируя внимание на понятии духовности – ментальной точке зрения не только автора, но и переводчика и реципиента.

Приведем примеры качественного гармоничного перевода и примеры неуспешного перевода, вызванного отклонением от соблюдения не только необходимых промежуточных норм эквивалентности и адекватности, но и искажением ментального культуросообразующего видения текста.

Пример 1

В тексте романа Г. Свифта «Последние распоряжения» (G. Swift, Last Orders; пер. В. Бабкова) фрагмент для анализа выглядит следующим образом:

«*And when I make the old joke – 'The Coach won't come to me' – she smiles but she frowns at the same time, ...she drops the smile and sips her coffee again. Well don't go just yet*» [12, p. 52] (Здесь и далее выделено нами – Н. П.).

В переводе фрагмент представлен так:

И когда я повторяю нашу старую шутку: «Да ведь «Карета» сама ко мне не приедет», – она улыбается и хмурится одновременно, ...она сгоняет с лица улыбку и снова отхлебывает кофе. «Погоди минутку» [9, с. 129].

Обратимся к высказыванию: *Well don't go just yet*, в котором употреблен глагол движения *go*, что можно дословно перевести так: «*Не уходи пока*». Переводчик же, порождая цепь ассоциаций и уводя нас от прямого значения слова, обыгрывает логическое продолжение ситуации «не уходи», превращая ее в «побудь еще» и развивая в «подожди», в итоге заменяет первоначальное выражение на более приемлемое для русской лингвокультуры высказывание «*Погоди минутку*». В результате в тексте перевода глагол движения теряется. Однако, осмыслив природу ситуации через ментальную функцию наблюдателя-интерпретатора текста, культуросообразовав ментальные картины видения англоязычного автора с перспективы русскоязычной полихронности, переводчик переносит ее из пространственного измерения во временное. Таким образом, достигается гармоничный результат перевода с полной передачей смысла ситуации в частности и перевода в целом.

В романе «Хорошая работа» Д. Лоджа (L. Lodge «Nice Work»; пер. М. Ворсановой) находим несколько вариантов принятия неуспешного переводческого решения. Прежде чем проанализировать конкретные фрагменты текста, дадим краткую характеристику главным героям романа, представленным в данных фрагментах: Робин Пенрайт и Вику Уилкоксу.

Робин – молодая самодостаточная женщина, преподаватель английской литературы в университете, обладает определенными моральными принципами, проповедует идеи феминизма, заявляя, что картинки в стиле *rip-up* унижают достоинство женщин, происходит из образованной семьи университетского профессора.

Вик – типичный успешный топ-менеджер на сталелитейном предприятии, родом из бедных предместий. Однако ему присущи традиционные, старомодные, семейные ценности и отношения к женщинам («*Жена – не машина. Ее нельзя сменить, когда она стареет или в ней что-то разладится. И если ты понял, что ошибся, – очень жаль, но придется жить с ней и дальше*» [7, с. 162]), он обычно не грубит женщинам, по крайней мере, образованным и равным ему по положению («*В чем дело? – обратился Вик к рабочему... – Заело эту **** собачку, – не оборачиваясь ответил тот. – Выбирай выражения, сказал Уилкок. – Здесь дама*» [Там же, с. 128]), и каждое воскресенье приглашает отца на семейный обед.

Представленная информация существенна, на наш взгляд, потому что без понимания характера героев, правильной интерпретации их мотивации и поведения, признания необходимости культуросообразовать текст невозможно принять правильное переводческое решение по поводу выбора не только вариантов перевода одной и той же лексической единицы, но и стилистической окрашенности всего эпизода, а значит и характера героя в рамках целостного произведения.

Пример 2

В тексте романа фрагмент представлен следующим образом.

My field is the nineteenth-century novel, ' said Robin. *And women's studies.*

Women's studies? Wilcox echoed with a frown. *What are they?*

Oh, women's writing. The representation of women in literature. Feminist critical theory.

Wilcox sniffed. *You give degrees for that?*

It's one part of the course, ' said Robin stiffly. *It's an option.*

A soft one, if you ask me, ' said Wilcox. *Still, I suppose it's all right for girls.*

Boys take it too, ' said Robin. *And the reading load is very heavy, as a matter of fact.*

Boys? Wilcox curled a lip. Nancy boys? ' [11, p. 114].

В переводе М. Ворсановой фрагмент выглядит следующим образом.

– *Я занимаюсь романом XIX века, – пояснила Робин. – И женской темой.*

– *Женской темой? – переспросил Уилкок с явным неодобрением. – Это еще что такое?*

– *Женская проза. Изображение женщины в литературе. Феминистская критика.*

– *Уилкок засопел.*

– *И за это дают ученые степени?*

– *Я читаю не всему курсу, – неохотно уточнила Робин. – У меня факультатив.*

- По-моему, слишком примитивный, сказал Уилкокс, – впрочем, для девушек сойдет.
У меня есть и юноши, – возразила Робин. – Кстати, текстовый материал очень трудный.
– Юноши? – Уилкокс презрительно скривился. – В смысле **педерасты**? [7, с. 112].

Очевидно, что переводчик выбрал неравнозначную лексическую пару, чем и вызвана дисгармония в переводе фрагмента.

Английская лексема *Nancy's boys* является эвфемизмом, к которому прибегает Вик, чтобы не выглядеть необразованным и непочтительным по отношению к Робин. Для перевода этой лексемы переводчик выбирает соответствие очень низкого стилистического регистра, которое хотя и присутствует в словарных статьях известных нам печатных и онлайн-словарей, но занимает обычно последние позиции, потому что является наиболее негативно окрашенным и относится к стилистически более низкому регистру языка. В современном русском языке данная лексема считается оскорбительной и, как правило, употребляется только намеренно, с целью выражения пренебрежения и унижения. Поэтому, как нам представляется, ментальная картина переводчика в данном случае искадила авторскую. Как бы ни был удивлен Вик тем, за что в современных британских университетах дают степень бакалавра и магистра, он не настолько этим шокирован, чтобы контролировать себя в присутствии Робин.

Рассмотрим следующий фрагмент.

В данном эпизоде Вик, крайне раздраженный тем, что происходит в его семье, находится наедине с самим собой, когда никто («даже наглая, назойливая феминистка из Университета») (цит. по переводу М. Ворсановой [Там же, с. 162]) не контролирует его мысли и слова.

Пример 3

В тексте романа фрагмент выглядит следующим образом.

Vic is quite sure she (Marjorie) has no intention of carrying out his instructions. If she hadn't arranged to take Sandra to the doctor's Marjorie would probably go back to bed herself, now, with a cup of tea and the Daily Mail. A few weeks before, he'd returned home soon after getting to work because he'd left some important papers behind, and found the house totally silent, all three children and their mother sound asleep at 9.30 in the morning. No wonder the country is going to the dogs [11, p. 27].

В переводе М. Ворсановой фрагмент представлен следующим образом.

*Вик совершенно уверен в том, что у нее (Марджори, жены Вика – примечание наше) и в мыслях нет выполнять его распоряжения. Если бы не поездка с Сандрой (дочь Вика – примечание наше) к врачу, Марджори, скорее всего, легла бы сейчас в постель, прихватив с собой чашку чая и «Дейли Мейл». Несколько недель назад Вик вернулся домой, едва уехав на работу, – забыл взять важные документы. Была половина десятого утра, в доме царил полная тишина: трое детей и их мать сладко спали. **Не стоит удивляться, что страна летит в тартарары*** [7, с. 25].

По данным многочисленных исследований, во время внутреннего монолога человек в состоянии раздражения и гнева, пребывая в полной уверенности, что его никто не слышит, даже если бы мысли прозвучали вслух, склонен высказываться, используя стилистически яркую, сниженную лексику. Следовательно, такой герой как Вик Уилкокс, имеющий типично мужские воззрения на мир, не склонен использовать достаточно устаревшее эвфемистичное слово «*тартарары*». Согласно данным словарей, выражение *go to the dogs* переводится на русский язык как «*пойти прахом*», «*пойти псу под хвост*», «*идти (ко всем) чертям*». Современные словари добавляют к последнему варианту перевода разговорное сочетание «*...к чертям собачьим*», что, на наш взгляд, наиболее соответствует характеру персонажа и ситуации, т.е. времени и месту действия.

Вышеприведенные примеры, как мы полагаем, указывают на дисгармонию ментальной картины видения переводчиком произведения, недостаточную степень его духовного сопереживания автору, неполное прогнозирование возможной рецепции текста читателем, что может привести к «погрешностям перевода», несущественным в размере одного фрагмента и «глобальным» в размере всего текста перевода.

Вполне очевидным представляется заключение, что идея ноохронотопа, подразумевающая создание переводчиком гармоничного авторскому тексту перевода, понимание ментального времени-пространства автора означает освоение переводчиком собственного ментального времени-пространства и воссоздание в тексте перевода духовности текста оригинала, что может послужить значимым критерием оценки качественного перевода.

Список литературы

1. Енбаева Л. В. Переводческое решение речевой многозначности (на материале литературы нонсенса): дисс. ... к. филол. н. Тюмень, 2009. 234 с.
2. Казакова Т. А. Художественный перевод: в поисках истины. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Издательство СПбГУ, 2006. 224 с.
3. Кушнина Л. В. Гармонизация смыслов текста при переводе как отражение точек зрения автора, переводчика и реципиента // Интерпретация текста: ментальное зеркало видения: сб. научных трудов. Екатеринбург, 2008. С. 54-59.
4. Кушнина Л. В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь: Изд-во Пермского гос. тех. ун-та, 2009. 195 с.
5. Кушнина Л. В. Языки и культуры в переводческом пространстве: монография. Пермь: Изд-во Пермского гос. техн. ун-та, 2004. 163 с.
6. Кушнина Л. В., Юзманов П. Р. Экология перевода: культура vs природа: сборник научных трудов // Экология языка на перекресте наук: материалы науч. конф. Тюмень: ТюмГУ, 2010. С. 39-45.

7. Лодж Д. Хорошая работа / пер. с англ. М. Ворсановой. М.: Независимая газета, 2004. 384 с.
8. Марова Н. Д. Парадигмы интерпретации текста: монография. Екатеринбург, 2006. Ч. 1-2. 503 с.
9. Свифт Г. Последние распоряжения / пер. с англ. В. Бабкова // Иностранная литература. 1998. № 1. С. 105-233.
10. Топер П. М. Перевод и литература: творческая личность переводчика [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 1998. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/1998/6/toper.html> (дата обращения: 10.12.2014).
11. Lodge D. Nice Work. London: Penguin Books, 1989. 384 p.
12. Swift G. Last Orders. London: Picador, 1996. 296 p.

ON THE ROLE OF SPIRITUALITY AS A COMPONENT OF TRANSLATOR'S NOO-CHRONOTOPE

Plastinina Nina Anatol'evna
Nizhnevartovsk State University
nina.plastinina2011@yandex.ru

The article examines conception of spirituality as a component of translator's noo-chronotope and its role in the understanding by the translator the mental time-space of an author and reconstructing in the translated text the spirituality of an original text. By the material of the certain fragments of a literary text and their translations into Russian the author shows how the harmony/disharmony of a mental picture of translator's vision of a literary work, level of his spiritual empathy with the author predict the possible reception of a text by the reader.

Key words and phrases: spirituality; mental picture of vision; chronotope; space; time; noo-chronotope; translation solution.

УДК 81'371

Филологические науки

Проблемы вербального ассоциирования в непосредственном языковом общении людей остаются еще слабо-изученными. В настоящей работе изложены основные результаты исследования данных свободного ассоциативного эксперимента, предпринятого с целью выявления когнитивных особенностей и смыслового содержания концепта «покаяние» в понимании современных носителей русского языка.

Ключевые слова и фразы: свободный ассоциативный эксперимент; слово-стимул; концепт «покаяние»; словесная реакция; национальное языковое сознание.

Платонова Елена Владимировна

Ульяновский государственный университет
kis@land.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА С КОНЦЕПТОМ «ПОКАЯНИЕ»[©]

Свободный ассоциативный эксперимент занимает достойное и заслуженное место в практике лингвистических и культурологических исследований. Полученные в ходе эксперимента результаты могут быть использованы в качестве материала для изучения национальных и социально-культурных категорий, ассоциирующихся с данным концептом в сознании носителей языка, принявших участие в эксперименте, а также «важны для понимания языка и обучения ему, поскольку они (сведения) сохраняются в памяти носителей языка» [1, с. 44].

И. А. Стернин предлагает понимать под термином «языковое сознание» («языковое мышление», «речевое мышление») совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека; оно формируется у человека в процессе усвоения языка и совершенствуется всю жизнь, по мере пополнения им знаний о правилах и нормах языка, новых словах, значениях, по мере совершенствования навыков коммуникации в различных сферах, по мере усвоения новых языков [5, с. 87].

Суть свободного ассоциативного эксперимента заключается в том, что участникам предлагается в ответ на конкретное слово-стимул произнести первую возникшую в голове словесную реакцию.

Использование ассоциативного эксперимента позволяет моделировать эмпирические ситуации, состоящие в представлении испытуемым определенных заданий, вызывающих их словесные реакции, которые имеют интуитивный характер.

Существенными плюсами свободного ассоциативного эксперимента являются его удобство применения, простота, возможность работать с большими группами участников одновременно, определять некоторые интуитивно-бессознательные элементы содержания исследуемых концептов.

В соответствии с задачами данного исследования свободный ассоциативный эксперимент был проведен для выявления смыслового содержания концепта «покаяние» в национальном языковом сознании в процессе формирования коннотационной архитектуры концепта.